

Гульназ Раздыкова: Как радикальные салафиты готовят в Казахстане своих адептов

Эта осень выдалась богатой на аресты казахстанских лжепроповедников. Сразу несколько лидеров псевдосалафитов были задержаны в Саудовской Аравии, Турции и депортированы на родину. Ранее за пропаганду идей экстремизма осудили еще целый ряд идеологов этого течения. Однако его приверженцы, судя по интернет-форумам, не собираются отступать. Что движет этими людьми? Насколько сильна их зависимость? Что с ними делать? Об этом наш разговор с психологом-консультантом по деструктивным культам Гульназ Раздыковой, которая в последние месяцы тесно работала с осужденными.

– Казахстанские псевдосалафиты сегодня переживают не лучшие времена из-за арестов своих лидеров – Коржавина, Башпаева, Мухитдина, Заурбекова, Махаматова и Абдукадырова. Вы активно работали с этими людьми. Как считаете, они понимали, чем рискуют?

– Да, я имела в этом году очень полезный опыт общения с некоторыми из них. Если раньше мы в основном занимались рядовыми приверженцами псевдосалафизма, то сейчас настало время для работы с их лидерами – проводниками этой идеологии в нашей стране. Хотя вопросов по-прежнему больше, чем ответов.

Задержание властями Саудовской Аравии казахстанских интернет-проповедников – это закономерный итог их деструктивной деятельности. Думаю, все они прекрасно осознавали, что рано или поздно понесут ответственность. Во-первых, эти люди виновны в распространении экстремистских фетв, противоречащих общечеловеческим ценностям, культивирующих вражду и неуважение к другим религиям. Во-вторых, есть их прямая или косвенная вина в том, что случилось со многими молодыми людьми (кто-то погиб на войне, кто-то отбывает наказание в тюрьме) и их семьями.

– По словам местных «салафитов», эти «учителя» вели свои проповеди из самой Медины, где находятся главные святыни ислама...

– Да, к сожалению, концентрация мирового псевдосалафизма приходится на священные для мусульман земли. Но это не значит, что он укрепился в Мекке и Медине мирным путем. Судить об идеологии по месту ее происхождения неправильно. Это прекрасно понимают и власти Саудовской Аравии, которые с 2016 года оказывают Казахстану и другим странам правовое содействие в расследовании уголовных дел и депортации виновных лиц.

Лидеры псевдосалафитского движения, о которых мы сегодня говорим, получили высшее теологическое образование в университете «Аль Джамиа аль Исламия» города Медина. Они занимались агрессивным прозелитизмом, распространяли аудио– и видеолекции, вовлекая молодежь в деструктивизм. Понятно, что многие жертвы попадали в их сети из-за своей доверчивости, незнания или слепого подражания: хорошо известно, что стадное чувство может отнять у неокрепшей молодежи здравость ума.

– Каким образом этим проповедникам удалось ввести в заблуждение такое большое количество молодых людей?

– Псевдосалафитами, а тем более их лидерами не становятся в одночасье. Это долгий процесс идеологической и психологической обработки. Все они встали на ложный путь после того, как получили религиозное образование за рубежом у псевдоисламских ученых. Причем у всех у них похожая история – поехали учиться религии, а попали в сети радикального течения...

К счастью, за последние три года большинство казахстанских студентов уже возвращены из зарубежных теологических учреждений на родину. Сегодня многие из них трудоустроены, прекратили противозаконную пропаганду и отказались от салафитской идеологии, приняв более толерантный ханафитский мазхаб. Моими коллегами в регионах и уполномоченным министерством была проведена действительно большая работа.

– Чем можно объяснить столь сильную привязанность адептов к своим лидерам?

– Простые адепты тоже начинают понимать, что встали на неверный путь, но не все решаются отказаться от псевдосалафизма. Одни боятся изменить мнение своего окружения о себе, другие придерживаются внешней атрибутики для извлечения выгоды. Таких примеров множество. Но каждый раз я все больше убеждаюсь в том, что практически ни у кого из них нет религиозных знаний. То есть в большинстве случаев причиной вовлечения населения в деструктивные движения, а затем и нежелания покидать их становится элементарная религиозная неграмотность.

Понятно, что завоевать привязанность и уважение людей, полностью подчинить их своей воле интернет-проповедникам удастся благодаря своим лидерским качествам, харизме и редкой способности влиять на психику человека. Мы часто сталкиваемся в своей работе с харизматичными лидерами, за которыми адепты следуют слепо, не подвергая сомнению ни единое сказанное ими слово. Все наши «салафиты» беспрекословно подчиняются им. В итоге сформировался замкнутый круг на основе некоего культа. В моей практике был такой случай: они не пришли играть в футбол, организованный мечетью, потому что из Медины поступила фетва: «не играть с этими мушриками». То есть даже по таким мелким поводам даются четкие инструкции.

Для лидеров псевдосалафитов, как и для вождей многих других псевдорелигиозных движений, характерен индивидуальный набор харизмата. В него входят нарциссизм, целеустремленность и непосредственность, граничащая с фамильярностью и наглостью. Также их отличают независимость, готовность к риску, экспрессивность, театральность, драматичность, фанатичная привязанность к символам и собственным идеям, поверхностность мыслей, нелогичность и еще целый ряд далеко не религиозных качеств.

– Действительно, на интернет-форумах псевдосалафиты всячески защищают своих кумиров, считая их непогрешимыми. Вряд ли дело тут только в харизме и лидерских качествах. Наверняка применяются еще и определенные психологические методы воздействия...

– Скажу больше: они готовы тратить немалые деньги на содержание семей этих лидеров, оплату адвокатских и прочих услуг в рамках уголовного процесса. По сути, все финансовые расходы ложатся на плечи рядовых приверженцев.

Теорию возникновения харизматического лидерства в подобных деструктивных группах рассмотрел исследователь новых религиозных движений (НРД) Арчи Смит. По его словам, на начальном этапе лидер дает своим последователям набор не слишком серьезных и неглубоко разработанных идей, норм и правил поведения. Им, в частности, внушают, что получать знания надо не у имамов, а у «знающих братьев», коими якобы являются навязанные проповедники. То есть происходит психологическое якорение на слово «знающий брат»...

Пока последователи учатся реагировать на формы общения, установленные лидером, тот постепенно усиливает свои претензии, усложняет учение, устраивает правила. Видя, что его нововведения принимаются и поддерживаются учениками, он все больше убеждается в их «правильности», а заодно и в собственной избранности. В итоге он чуть ли не провозглашает себя «обладателем истины», на что члены группы слепо соглашаются, признавая свою зависимость и подчиненность. Это продолжается в течение долгого времени, причем практически неосознанно. По сути, лидер попадает в тиски созданного им самим же образа – он выступает одновременно и источником, и жертвой собственного воображения.

По такой несложной схеме развивались почти все псевдосалафитские жамагаты в нашей стране. Безоговорочное подчинение лидеру делает их похожими на харизматические культы (те же техники, те же приемы). Они превращаются в замкнутый круг управляемых людей, из которого самостоятельно выбраться уже не могут.

– Какие еще характерные черты псевдосалафитских жамагатов вы можете отметить?

– Лидерство в них носит групповой характер. Выше я уже говорила о духовных лидерах, то есть о тех, кто обладает «знаниями». В одиночку они ничего сделать не могут, поэтому рядом с ними обязательно находятся лидер с организаторскими качествами, лидер-спонсор, который может за все заплатить, лидер-спортсмен, лидер с криминальным прошлым, специалист по компьютерным технологиям и т.д. Это стандартный набор, как минимум, из 4-5 человек, в зависимости от специфики региона.

Характерно еще и то, что внутри этих групп существуют четкая иерархия и соподчинение. Правда, до поры до времени. После ареста духовных лидеров все эти группы тут же распадались, а их участники дружно открещивались от своих руководителей, дабы избежать уголовного наказания.

Это очень напоминает структуру криминальных группировок, действовавших в лихие 1990-е, когда быть бандитом или рэкетиром было модно. То же самое и здесь – модно быть «салафитом», то есть не таким, как все. Впрочем, этот подражательный эффект уже исчерпал свой потенциал. Наступило время для переориентации и переосмысления.

– С какими трудностями в реабилитации псевдосалафитских жамагатов вам приходится сталкиваться?

– В погоне за статистическими показателями мы часто забываем о глубине и качестве процесса реабилитации таких людей. А ведь это очень важно, если учесть, что речь идет о их мировоззрении, акиде. Сейчас многие «салафиты», с которыми мы работаем, читают намаз, придерживаются в фикхе мазхаба Абу Ханифа, стараются адаптироваться к нашим мероприятиям. Однако что касается изменения их вероубеждения, то тут мы испытываем ряд сложностей. Ведь нам приходится работать с человеческим сознанием, а это очень сложная материя. «Вырвете мне сердце, и вы вырвете мою акиду», – парировал один из них во время индивидуальной беседы.

Нужно учитывать и то обстоятельство, что эти люди – чьи-то родственники, близкие или родные, которые тоже страдают. Мы должны быть максимально корректными и деликатными в своей работе, не допускать оскорблений, унижений, притеснений. Если мы будем проявлять к этой категории лиц неприязнь или враждебность, то сами же им уподобимся... Даже сейчас, давая интервью, я боюсь быть непонятой некоторой частью верующих, которым сложно избавиться от навязанных ложных представлений о вере. Как я уже говорила, религиозные чувства – очень тонкая материя, в работе с которой необходимо соблюдать баланс интересов.

Наша работа осложнена еще и тем, что лидеры псевдосалафитов – это состоявшиеся личности в возрасте от 30 до 45 лет. От рядовых приверженцев, которые могут не иметь фундаментальных религиозных знаний, они отличаются тем, что изучали псевдосалафизм углубленно и в плане теологии могут дать отпор даже самым высокообразованным имамам. В данном случае работа психолога, конечно, может послужить большим подспорьем в их реабилитации.

Хотя вряд ли можно говорить о полной реабилитации. Скорее, речь идет об их адаптации к жизни в казахстанских реалиях. Разумеется, это мое субъективное мнение, основанное на собственном опыте работы.

– Некоторые адепты продолжают оправдывать действия своих руководителей. Как их можно переубедить в обратном?

– Да, некоторые считают их чуть ли не мучениками от религии, которые столкнулись с несправедливостью и страдают за свои идеи. Наша задача – донести до них истину, достучаться до затуманенного сознания. Такие, как Башпаев, Махаматов и другие, должны понести заслуженное наказание за то, что вовлекали нашу молодежь в псевдорелигию, внушали им превосходство своего течения над другими, агрессивно настраивали их против государства, имамов, родителей, обычаев и традиций собственного народа. На их совести сотни, а то и тысячи сломанных жизней, слезы матерей, потерявших своих детей. И это не должно остаться безнаказанным.

Думаю, аресты лидеров послужат уроком для остальных. Рядовым казахстанским псевдосалафитам стоит одуматься и отказаться от разрушительной идеологии, вернуться в нормальное общество, воспитывать своих детей в национальных традициях и работать

на благо родной страны. Они должны, наконец, осознать, что долгие годы были не в религии, а в политическом движении, созданном для подрыва устоев нашего государства. Им нужно отказаться от слепого следования за искусственно созданными кумирами, перестать жить страстями, интернет-разборками, прекратить клевету на имамов.

Желаю нашим оступившимся братьям стать по-настоящему богобоязненными и добрыми мусульманами, которые поклоняются Всевышнему Аллаху, а не псевдосалафитам.

Источник: <https://kazislam.kz/gul-naz-razdykova-kak-radikal-nye-salafity-gotovyat-v-kazahstane-svoih-adeptov/>

Гульназ Раздыкова: "Салафиты не учат быть богобоязненным, они учат ненавидеть"

Многие казахстанские адепты уже отказываются от идеологии салафизма.

Можно ли спасти молодых людей, попавших в сети нетрадиционного деструктивного течения? Почему родственники боятся обращаться в мечети по реабилитации своих детей - жертв салафизма? С какой целью интернет-проповедники подрывают авторитет имамов ДУМК? Об этом и другом рассказывает в интервью Zakon.kz директор Центра анализа и развития межконфессиональных отношений Павлодарской области Гульназ Раздыкова.

- Гульназ Максutowна, вы давно занимаетесь проблемой религиозного экстремизма и терроризма. Насколько опасны эти явления для нашего общества?

- Казахстанская действительность такова, что на сегодня нет открытых актов террора или экстремизма, но, к сожалению, уже есть проявления элементов или фактов экстремизма и деструкции. Например, недавно в одном из наших учебных заведений произошел неприятный инцидент. Двое подростков категорически отказались вставать при исполнении гимна Республики Казахстан, хотя знают, что есть закон о государственных символах, но религиозные догмы оказались для них выше подчинения законам государства. Если каждый верующий начнет ставить свои религиозные убеждения выше законов государства, то какое будущее нас ждет?!

Когда мы говорим о религиозном экстремизме, нужно четко понимать, что это проблема не только специальных или правоохранительных органов, или только государства. Если у нас будет такая позиция, то мы с вами уже проиграли эту борьбу. Противодействие терроризму и экстремизму - это борьба всего общества.

- Как можно реально помочь жертвам салафизма избавиться от зависимого состояния?

- Выход из деструктивной религиозной организации – планомерный длительный процесс. Во-первых, адепт должен осознать, что он является приверженцем нетрадиционного религиозного течения, в данном случае, салафизма, понять, что он салафит и что у него есть проблема.

Мы часто видим, как салафиты на словах декларируют, что они придерживаются традиционного в Казахстане ханафитского мазхаба, а на самом деле их религиозная практика противоречит этому. Поэтому процесс реабилитации салафита обязательно должен происходить через собственное осознание, ведь у нас в стране нет насильственной реабилитации.

Во-вторых, у человека должно быть желание получить помощь, то есть искреннее стремление помочь самому себе. В-третьих, он должен принять все информационные воздействия, которые будут применяться в процессе его реабилитации.

- Где молодые казахстанцы подхватывают вирус салафизма, откуда он к нам идет, кто носитель?

- Для салафитов сейчас совсем необязательно напрямую контактировать с человеком, чтобы завербовать его, они занимаются интернет-пропагандой и для этого используют

социальную сеть «ВКонтакте» и «Youtub» канал. Это основные проводники деструктивной идеологии, через них поступает вся информация в умы наших ребят, словно кислород младенцу через пуповину в утробе матери, потому что жертва салафизма живет в замкнутом пространстве.

А первоисточниками являются наши граждане, которые, сидя за рубежом, записывают тонны видеолекций и аудиобращений. На сегодняшний день это огромная свалка салафитских проповедей, которые нам придется разгрести не один год. В этом плане они, конечно, преуспели и идут на шаг впереди нас. Куаныш Башпаев, Назратуллах, Дильмурат Махаматов, Октам Зауырбеков, Денис Коржавин, Ринат, Халил и другие...

(От редакции: Как мы уже [сообщали](#), Дильмурат Махаматов, уроженец Туркестанской области задержан правоохранительными органами Королевства Саудовская Аравия. Находясь в этой стране, он занимался незаконной проповедью через интернет среди казахстанцев. Известен под прозвищем "Дильмурат Абу Мухаммад". Обвиняется в разжигании национальной, расовой неприязни).

Они не имели никаких законных прав заниматься миссионерством, это была их собственная инициатива и желание. Как вы знаете, согласно законам нашей страны пропагандой религии имеют право заниматься только служители муфтията, так как они проповедают традиционный ислам – религию наших предков.

- Но как полностью убедить вовлеченного адепта, он ведь не откажется от своих убеждений?

- В разговоре с адептом нужно мягко показывать его заблуждения, ошибки, деструктивность течения. Чаще всего салафиты находятся под влиянием конкретного человека, харизматичной личности – проповедника. Одно это уже доказывает, что салафизм – не религия, а политическое движение, прикрывающееся религиозными текстами. Причем многие тексты перевираются, используются в своих целях. Если посмотреть их лекции, то они все направлены на ненависть и агрессию по отношению к другим конфессиям, например, «Как ненавидеть бедагатчиков?», «Кто такие язычники?», «Заблудшие секты в исламе», «Шииты не мусульмане», «Признаки тагута» и так далее.

- В последнее время нередко приходится слышать, что чей-то сын или дочь с головой ушли в салафизм, бросили учебу, перестали общаться с семьей, друзьями, родственниками... Что вы можете посоветовать родителям, у которых дети ступили на такой скользкий путь?

- Первое, что нужно им сделать, это поговорить со своим ребенком. Но если он не идет на контакт, нужно найти хорошего психолога или обратиться в центры, аналогичные нашему на местах.

Весь парадокс в том, что салафиты не учат быть богобоязненным мусульманином, а учат, в первую очередь, ненавидеть других, считать кого-то немусульманином или хуже того - вероотступником, вешать ярлыки и обвинять.

Молодому человеку внушают, что все, кто не следует данному течению – заблудшие и они обязательно попадут в ад. Так они отворачивают адепта от родных и друзей. Дальше ему внушается, что не нужно слушать «заблудших» имамов, так как они «безграмотные» и так далее. После этого ему внушается ненависть к представителям власти, называя их «муртадами». Еда, которую едят родные, становится «харамом», а люди кругом – «кафирами».

- Были ли в вашей практике случаи выхода адептов из салафизма?

- К счастью, многие люди сейчас прозревают, потому что узнают истинную сущность салафизма. Бдительность родителей в отношении религиозной практики их детей стала в разы больше и это отрадно. Благодаря активной и масштабной работе информационно-разъяснительных групп на местах, удалось добиться такого стойкого результата, поэтому на сегодняшний день уже много случаев отказа от данной идеологии.

Специалисты называют данный процесс дефекцией. В настоящее время в Казахстане происходит дефекция двух видов – скрытый и декларативный. Например, в ютуб-пространстве выкладываются ролики, когда салафиты или такие их лидеры, как, допустим, Денис (Абдулла) Коржавин заявляют о своем выходе из салафизма. Это декларативный вид дефекции, который сопровождается привлечением внимания общественности к событию выхода из салафизма. Выход рядовых адептов из салафизма чаще всего имеет скрытый характер.

- Наверное, эти процессы протекают очень сложно. Не мешает ли человеку эмоциональная зависимость от деструктивного течения?

- Конечно, мешает, поэтому мы и проводим консультации о выходе из состояния деструкции. Это интенсивная информационная терапия, которая проводится группой консультантов при содействии родственников и близких, и это делается с добровольного осознанного согласия самого человека. Длительность терапии разная и зависит от психоэмоциональных волевых качеств самого адепта и стажа пребывания в этой группе. Главная цель консультации состоит в предоставлении индивиду объективной информации, основанной на богатых фактологических материалах о происхождении, развитии и методах работы того или иного культа, в котором он состоял.

Также идет работа над активизацией критического мышления, увеличением альтернатив его свободного выбора. Сегодня во всем мире консультация о выходе является одной из самых распространенных форм работы с адептом. При этом специалисты следят за соблюдением конституционных прав и свобод самого адепта. Это очень серьезная терапия, проводимая группой консультантов, в которую входят психологи, теологи, религиоведы, юристы, а при необходимости и суицидологи.

- Может ли человек снова вернуться в свою деструктивную группу?

- Как и любая другая зависимость, идеологическая зависимость может рецидивировать и салафит опять может вернуться в свою группу. Иногда происходит переключение, когда человек приходит в салафизм из другого религиозного течения.

Допустим, когда деятельность экстремистской религиозной организации «Хизб ут-тахрир» запретили на территории Казахстана, многие ее члены просто переключились на другое нетрадиционное религиозное течение салафизм. Переключение на новую религиозную идентичность может содержать в себе ярко выраженные элементы прежней вовлеченности. То есть в человеке происходит синкретизм его прежних установок, например, «Хизбут тахрир» с поведенческими признаками салафизма.

Получается, излечившись от одной болезни, человек заражается другой болезнью, другим видом фанатизма. Оба течения похожи своей жестокостью, агрессией и слепым следованием за лидерами.

- У вас есть примеры, когда люди, отказавшись от салафизма, вернулись к нормальной жизни?

- Не всё так легко и просто. Трудности у человека при выходе из салафизма, конечно же, возникают. Прежде всего, это процесс социализации, ресоциализации человека в обществе. Нередко в самом обществе не хватает культуры нормального корректного отношения к бывшим членам. Иногда им приходится сталкиваться с отторжением, непониманием, стигматизацией, когда их воспринимают, как людей ущербных,

слабовольных, потерянных для общества. И здесь очень важна наша поддержка, мы должны быть терпимее и толерантнее, ведь каждый из нас может оступиться. «Адасқанның айыбы жоқ, қайтып үйірін тапқан соң», говорят у нас в народе. Мы должны дать шанс каждому человеку вернуться в наше общество и стать достойным гражданином.

- Многие родственники боятся обращаться в мечеть к имамам по реабилитации своих детей - жертв салафизма...

- И зря. Они ошибаются, думая, что имамы им навредят. Наоборот, в реабилитации жертв культов огромную помощь оказывают нам именно священнослужители.

Именно поэтому интернет-проповедники всеми силами стараются подорвать авторитет имамов ДУМК, распространяя о них отвратительные сплетни.

Например, я работала с одним молодым человеком в исправительном учреждении, который только полгода назад начал читать намаз, но уже активно стал выкладывать экстремистские посты в соцсетях, за что сейчас отбывает наказание. Так вот, он говорит, что впервые увидел имама в тюрьме, и что у него нет хвоста и рожек, как ему внушали раньше. «Оказывается, имам тоже человек», - удивленно говорит он.

Общество должно быть терпимее и добрее к адептам деструктивного течения салафизм и прилагать все усилия, чтобы помочь им освободиться от разрушительной идеологии.

Источник: zakon.kz

Г. Раздыкова: Среди выехавших в Сирию казахстанцев были и состоятельные

бизнесмены

Бедность, как социальный фактор для вовлечения в экстремистскую организацию – такой аргумент на сегодняшний день себя не оправдал, заявила в интервью известный эксперт-религиовед, член Республиканской информационно-разъяснительной группы Гульназ Раздыкова.

— Гульназ, стало ли вам, специалистам, легче работать с рядовыми псевдосалафитами после ареста и осуждения их лидеров?

— Надо сказать, что любые мероприятия, как со стороны ДУМК, так и со стороны местной исполнительной власти, в интернет-пространстве, либо уголовные процессы они воспринимают как заказную акцию против них.

Они убеждены, что государство считает их экстремистами, потому что, якобы, они за правое дело. По их мнению, власть их очерняет, за то, что они говорят правду, борются с коррупцией, с моральным разложением общества и так далее.

На сегодняшний день в обществе много обсуждается тема вовлечения людей в экстремистские организации. И нет единого клише и понимания универсальных факторов, которые бы как аппликация ложились на все примеры вовлечения людей в эти течения. Если провести анализ последних информационных поводов, то видим, что очень хорошим событием было возвращение казахстанцев с мест боевых действий в Сирии на территорию собственного государства. Речь, понятно, идет об уникальной гуманитарной

операции «Жусан», проведенной в начале этого года по поручению Первого Президента – Елбасы Нурсултана Назарбаева.

— Но у казахстанцев к этому событию неоднозначное отношение...

— Понимаю вас. Общество действительно разделилось на два лагеря. Это те, которые считали, что это правильная миссия. И те, кто считает, что не надо было их возвращать, так как они уехали по собственной воле, никто их не просил и что единожды предавшие свою страну, предадут еще раз. Такие рассуждения, в первую очередь, показывают то, что мы сами еще недостаточно толерантны и не можем вести конструктивный состоятельный диалог с теми людьми, которые оступились.

Я всегда говорила и говорю, что это, прежде всего, наши граждане, казахстанцы. Это чьи-то дети, родственники... Поэтому, считаю, что наша страна сделала совершенно правильный шаг, проведя эту гуманитарную миссию, возвратив казахстанцев, пусть и оступившихся, на Родину. А как дальше с ними работать, как сложится их судьба, это уже другой вопрос, который сегодня стоит у нас в повестке дня. Безусловно, все ответственные органы и специалисты не сидят сложа руки, вырабатывают самые эффективные методы по их реабилитации.

ТАҒЫ ОҚЫҢЫЗ: [Жандаулет Сүлейменов: Подверженность к радикализации не зависит от вашего кармана или диплома](#)

— Почему люди уехали?

— Мы тоже постоянно задаемся этим вопросом, постоянно ставим его и пытаемся найти ответ. В настоящее время у нас стопроцентно доказана несостоятельность социального фактора, как единственно верного.

Лично знаю, встречалась с людьми, они имели здесь собственный бизнес, владели достаточно крупными ТОО, ИП, которые были состоятельными работодателями для многих людей. Они тоже выехали.

Поэтому аргумент, что бедность, как социальный фактор для вовлечения в экстремистскую организацию, на сегодняшний день себя не оправдал.

Именно в период деидеологизации общества появилась данная группа людей, которые стремятся любыми способами выделиться из общей массы, имеют претензии на свою исключительность, эксклюзивность. Это, конечно, свидетельствует о низком уровне духовности и нравственности, ущемленном самолюбии, при котором у человека срабатывает нарциссизм. Именно такие признаки характерны псевдосалафитам, которые в общей массе людей выделяются своей одеждой, наличием бороды, имеют претензии на свою исключительность. Согласно их убеждениям, только их акида самая верная,

только они попадут в рай и так далее. Даже Всевышнего Аллаха они воспринимают по-особенному, представляют Его в человеческом обличье, сидящим на троне.

Ну, а самое главное, наше общество уже начинает понимать, что псевдосалафизм – это не религия, а политическое движение, прикрывающееся якобы религиозными канонами.

— Псевдосалафиты живут среди нас, в нашем обществе?

— Да. Это уже сложившиеся жамагаты псевдоисламского движения, мечтающие о построении халифата на всей земле, в том числе и в Казахстане. Наша задача – не допустить реализации их опасных планов, а также заражения вирусом псевдосалафизма других членов общества. И, конечно же, по возможности, вернуть их в наше традиционное сообщество, убедить их отказаться от разрушительной идеологии псевдосалафизма.

Торгын Нурсеитова, Zakon.kz

«Казахстанский опыт дерадикализации был представлен на семинаре ОБСЕ» - эксперт Г.

Раздыкова

На семинаре гражданского сообщества: «Иностранные борцы с терроризмом - решение текущих задач» в Австрии, Вене был представлен казахстанский опыт дерадикализации женщин, возвращенных из зоны террористической активности. Мероприятие организовано UNOCT при поддержке Глобального центра совместной безопасности и ОБСЕ в преддверие Совместной региональной конференции высокого уровня, созванной ОБСЕ, UNOCT и Швейцарией в сотрудничестве с албанским председательством в ОБСЕ.

В ходе семинара для стран, входящих в состав ООН состоялось расширенное заседание, посвященное репатриации, реинтеграции иностранных боевиков террористов (ИБТ).

Руководитель Центра анализа и развития межконфессиональных отношений Павлодарской области Гульназ Раздыкова выступила с презентацией «Казахстанский опыт дерадикализации женщин, эвакуированных из зон террористической активности».

В ходе своего выступления эксперт подробно рассказала о реабилитации женщин и детей, возвращенных из зоны боевых действий. В Казахстане эта работа проводилась в два этапа. Это карантинный период в г. Актау на побережье Каспийского моря и второй период продолжается по сегодняшний день, так как реабилитация этих женщин еще не закончена и займет определенное время. «Данные женщины не стали террористами за один месяц или за неделю, есть женщины, которые провели в Сирии 6-7 лет. Сейчас, чтобы повернуть процесс вспять потребуются тоже много времени. На сегодняшний день мы фиксируем поведенческие изменения, но когнитивные мировоззренческие изменения наблюдаются не у всех», - говорит Гульназ Максutowна.

Зарубежные эксперты задавали вопросы: «Не героизируем ли мы женщин, возвращенных из террористических группировок предоставляя международные трибуны?»

«Мы не занимаемся самообманом, не героизируем этих людей, при этом не погружаем их в стигму, а также нет виктимизации – не превращаем их в жертв преступления. Наши женщины-волонтеры – это женщины, которые стали борцами с терроризмом. Они нашли в себе внутренние силы, чтобы побороть себя, выйти из посттравматического синдрома. Для некоторых женщин эта травма стала причиной для дальнейшего роста. Они начали писать книги, занялись информационно-разъяснительной работой, активно сотрудничают со СМИ, дают интервью и т.д.

В обществе сформировались определенные стигмы в отношении этих женщин, у людей сложилось негативное представление о них. Мы долгое время демонизировали этих людей, а теперь хотим, чтобы общество приняло их. Сейчас мы с коллегами проводим большую работу по преодолению данных общественных стигм», - рассказывает Гульназ Максutowна.

В своем выступлении спикер обозначила факторы вторичной радикализации. Необходимо также учитывать гендерный подход, первичный контакт возвращенных женщин должен быть с женщинами, а не с мужчинами, потому что они долго были изолированы от светского общества. Мужчины-теологи, психологи могут подключиться к работе позже, когда женщины адаптируются к новым условиям.

В ходе выступления были представлены индикаторы дерадикализации, разработанные казахстанскими специалистами в ходе работы с женщинами.

«Несмотря на то, что некоторые люди выражают скепсис в отношении возвращенных людей, считают, что реабилитация невозможна, эта работа в Казахстане проводится и уже имеет определенные результаты», - говорит Гульназ Максutowна.

Коллеги со всего мира были единодушны во мнении, что нужно разработать единый глоссарий терминов, потому что, к сожалению, многие специалисты под одним и тем же термином понимают разные вещи. В частности, по мнению Раздыковой, спорным является использование слова «репатриация» по отношению к людям, возвращенным из зон боевых действий. Также требуют рассмотрения использование терминов «насильственный экстремизм», «религиозный экстремизм», религиозных терминов «джихад, джихадист» по отношению к терроризму.

В ходе обсуждения эксперты задали вопросы по опыту медийного сопровождения спецоперации «Жусан» и дальнейшей реабилитации людей. По опыту Казахстана спикер отметила, что перед проведением подобных мероприятий, необходимо провести обучение пула журналистов, даже с последующей аккредитацией. «Ведь журналист столкнется с

очень интимными, личностными историями, трагедиями семей, «открытыми» ранами людей, освещение которых требуют особого такта и этики. Неправильное освещение этих тем может вызвать обратную реакцию в обществе, демонизацию, стигматизацию образа этих людей», - считает Раздыкова.

Опыт казахстанских специалистов вызвал огромный интерес у представителей всех государств, которые еще не начали процесс репатриации. Как отметили представители ОБСЕ, «Казахстан занимает ведущие позиции по эвакуации и реабилитации террористов. На сегодняшний день из зон террористической активности эвакуировано 850 человек, из них 600 выпадают на долю Казахстана».

Источник: <http://www.carmo-pvl.kz/ru/article/kazahstanskiy-opyt-deradikalizacii-byl-predstavlen-na-seminare-obse-ekspert-g-razdykova>

Интервью с директором Центра анализа и развития межконфессиональных отношений по вопросам религиозного экстремизма.

О том, как удержать молодых людей от желания пойти на чужую войну и чем помочь попавшим под влияние радикальных течений. Об этом в интервью BaigeNews.kz рассказала директор Центра анализа и развития межконфессиональных отношений, кандидат исторических наук Гульназ Раздыкова.

– Гульназ Максutowна, несколько слов о центре, который Вы возглавляете? Почему возникла потребность в его создании?

– Наш центр в Павлодаре был создан в 2012 году в качестве пилотного проекта. На сегодняшний день аналогичные центры открыты по всему Казахстану. Мы работаем по двум основным направлениям: информационно-разъяснительная работа среди всех слоев населения по вопросам религиозного экстремизма и терроризма, психологическая, правовая помощь и религиозоведческое консультирование людей, пострадавших от деятельности деструктивных, псевдорелигиозных организаций. Второе направление – занимаемся реабилитацией адептов деструктивных религиозных течений.

– На что делаете упор сегодня в своей деятельности?

– На проведение индивидуальных мероприятий с адептами и неофитами деструктивных религиозных течений, а также с их родственным семейным окружением.

– Центр работает не первый год. Поменялась ли за это время актуальность тем? Например, еще недавно много говорили об активной вербовке молодых людей на войну. Сегодня это актуально?

– Не скажу, чтобы эта работа претерпела бы какие-то серьезные изменения. Тема молодежи остается актуальной и сегодня. На начальном этапе мы работали по созданию

религиозного иммунитета среди населения, Сегодня мы видим позитивные изменения. В частности, вырос уровень родительской компетенции по отношению к религиозной практике своих детей. Сейчас они больше интересуются их жизнью и если замечают первые признаки радикализации своего ребенка, то обращаются к специалистам. Сегодня мы работаем более точно с приверженцами деструктивных течений. Например, если молодой человек начал читать намаз, то родители ребенка отводят его в мечеть и знакомятся с имамом. Надо делать именно так, а то у меня был случай, когда молодая девушка говорила родителям, что ходит в мечеть учиться намазу, а на самом деле не была там ни разу, получала знания на сомнительной квартире, там и произошла радикализация ее сознания. Родители узнали об этом только после того, когда она выехала в Сирию.

– Коль заговорили о девушках, давайте вспомним тех, что вернулись из Сирии. В прошлом году много говорилось о них, а затем замолчали. Как сложилась их судьба?

– Да, в прошлом году в нашей стране была реализована операция “Жусан”, в рамках которой было возвращено 595 граждан нашей страны, в том числе 156 женщин и 30 мужчин, остальные – дети. 14 женщин были привлечены к уголовной ответственности, они отбывают наказание в исправительных учреждениях. Говорить о завершении процесса реабилитации этих женщин рано. Первый этап – адаптацию – они прошли в условиях карантина в Актау. Сейчас они все вернулись домой, и адаптируются уже на месте, в семье. Говорить о том, что на 100 процентов их проблемы решены, думаю, еще рано. Это длительный путь.

– Сколько таких женщин пришлось на Павлодарскую область?

– Трое. В том числе, восемь детей, один из них сирота. На сегодняшний день судьба этих женщин сложилась очень удачно, одна из них вышла замуж и счастлива в браке, вторая девушка – волонтер, помогает нам в работе по дерадикализации других женщин, третья работает в государственном учреждении и мечтает построить карьеру.

– Как дети адаптируются в обществе? Мне довелось побывать в одной такой семье, приехавшей из Сирии. Там старший сын, ему лет 13, строго следил, чтоб мама была одета по всем правилам: покрытая голова, длинные рукава, прикрытые ноги, никакой фривольности...

– На самом деле адаптация у детей происходит легче, чем у взрослых. Единого механизма, конечно, нет. Все очень индивидуально, зависит от уровня религиозного погружения семьи, времени проживания в этих странах.

– Сегодня популярен термин "информационный экстремизм". Что за ним стоит?

– Это не новый термин. Следует отметить, что религиозный экстремизм, агрессивная вербовка, радикализация онлайн – это все разные названия данного процесса. Подобных фактов в Казахстане много, когда с помощью различных средств электронных коммуникаций: мессенджеров, социальных сетей и прочего происходит радикализация религиозных взглядов верующих. Например, я работала с молодым человеком, которому едва исполнилось 17 лет, уже в СИЗО. Его осудили за распространение религиозных материалов в социальных сетях. Позже оказалось, что все эти материалы признаны в

Казахстане экстремистскими. Возможно, он и не знал об этом. Но незнание законов не освобождает от ответственности. Сейчас "сетевой экстремизм" – это очень опасное явление во всем мире.

– О молодежи. Это, видимо, одно из основных ваших направлений. Как уберечь их от “промывания” мозгов?

– Согласно анализу и статистическим данным, основными объектами для вербовки в экстремистские террористические организации являются молодые люди. Этому способствует ряд причин. Молодежь очень удобный “продукт” для вербовщиков в силу их юношеского максимализма, отсутствия жизненного опыта. К тому же молодежь социально активна и для их вербовки достаточно социальных сетей. Главное – уберечь их от этого. Мы с моими коллегами из регионов формируем так называемый внутренний фильтр, если хотите, иммунитет, который бы позволял молодому человеку критически воспринимать любую информацию, особенно из подозрительных источников. И, конечно, даем полную информацию, касающуюся религиозных течений, со ссылкой на официальные сайты. Пусть читают, анализируют. Думаю, эта работа позволяет уберечь основную массу молодежи от влияния деструктивных террористических организаций.

– Незнание закона, не освобождает от ответственности. Что должны знать граждане в рамках правового поля, чтобы задуматься о грозящем наказании в случае нарушения закона?

– Прежде всего необходимо знать, что любая агрессивная религиозная деятельность незаконна. Законодательством предусмотрен целый ряд ужесточающих мер в отношении лиц, совершивших террористические и экстремистские преступления.

– Вам приходилось работать напрямую с теми, кто переступил эту черту? На ваш взгляд, насколько реально вернуть обществу этих людей?

– Основная моя работа как раз с людьми, переступившими черту – сами адепты и неофиты, а также молодые ребята, которые были привлечены к уголовному наказанию за экстремистские террористические преступления. Это и женщины, попавшие под влияние незаконных организаций. Я работаю, скажем так, с последствием нашего бездействия, общественного равнодушия. Борьба с экстремизмом только силовыми методами или только в правовом поле – заведомо проигранная война. Противодействие данным явлениям – задача всего нашего общества. Хочу заметить, что религиозный экстремизм, он не где-то там, за экраном телевизора, он может войти в любую казахстанскую семью. Никто от этого не защищен. Так что необходимо быть внимательнее относиться к своим детям, их образу жизни.

Источник: https://baigenews.kz/news/nevidimaya_voyna_za_kazakhstanskuyu_molodezh_idet_v_sotssetyakh_-_ekspert/